

«ЗОЩЕНКО ПРИНЯМ НЕ ЗА ТОГО ПИСАТЕЛЯ, КАКИМ ОН БЫЛ...»

Исполнилось 100 лет со дня рождения великого русского писателя Михаила Зощенко. На вопросы нашего корреспондента отвечает один из лучших (и немногих!) зощенковедов России — Бенедикт САРНОВ.

— Бенедикт Михайлович, существует ли тайна Михаила Зощенко?

— Безусловно, тайна Зощенко существует. Только что в журнале «Вопросы литературы» вышла моя большая статья, которую я закончил так: Достоевский сказал про Пушкина, что он унес с собой некую тайну, и мы теперь ее без него разгадываем. Я позволил себе сказать, что каждый писатель, если он преждевременно уходит из жизни, уносит с собой некую тайну. К Зощенко эти слова приложились гораздо больше, чем к кому бы то ни было. Я связываю это, прежде всего, с тем, что Зощенко был не понят при жизни, не понят он и сейчас, хотя слава у него при жизни была большая, а в 20-е годы — особенно. Сам он с горечью говорил об этом во многих своих вещах (как, например, в «Перед восходом солнца»). У Зощенко есть рассказ — как всегда смешной, хотя и очень горький, — о том, как его приняли за циркового трансформатора. Этот рассказ, на мой взгляд, достаточно символический. Зощенко в самом деле приняли не за того писателя, каким он был.

— В каком направлении работает наше отечественное зощенковедение, разгадывая тайну Зощенко?

— Прежде всего, Зощенко при жизни — до катастрофы, несчастья, которое с ним произошло, — рассматривался как правофланговый советской сатиры, исправитель нравов, бичеватель мещанства. Он в лучшем случае сопоставлялся с Ильфом и Петровым, в худшем — с Аверченко, Ленчем, Ардовым... Хотя признавалось, что он на голову, на десять голов выше их, но ставился Зощенко именно в этот ряд.

Между тем Зощенко, на мой взгляд, должен быть сопоставим с такими писателями, как Гоголь и Достоевский. Я приводил много раз замечательную фразу, сказанную одним из его современников (насколько мне известно, это был не литератор, а физик Матвей Бронштейн): «Зощенко — это Свифт, которого приняли за Аверченко». Это не просто красивая фраза и говорит она не о масштабе художественного явления... Зощенко интересовали извечные пороки человеческой сути. Неслучайно, он написал «Голубую книгу», где рассмотрел всю историю человечества под одним ракурсом. В одном рассказе писатель-обмолвился: человек — это стран-

ное животное, которое навряд ли произошло от обезьяны. Тут Дарвин чего-то напутал... Зощенко был великий мизантроп. Грубо говоря, он не был социальным писателем. Он был крупнее, чем социальный писатель.

— Бенедикт Михайлович, и все-таки Зощенко был социальным писателем...

— Безусловно, всякий настоящий писатель — он социальный писатель. За исключением каких-нибудь романтиков, символистов, художников, которые говорят только о вечности, мироздании. Зощенко, конечно, был и социальным писателем. Но он полагал, что его герой — вечен. Скажем, в «Голубой книге» Екатерина Вторая, посылая Орлова за княжной Таракановой, говорит: «Она объявляет себя наследницей... А может, она действительно наследница... Я еще сама интересуюсь царствовать...» Стимулы поведения Екатерины Второй, Александра Македонского, Корнелия Суллы у Зощенко точно такие, как у его постоянных героев, действующих в пределах коммунальной кухни и ссорящихся из-за ежика для примуса.

— Помните, Остап Бендер говорил: «Зачем мне нужна вечная игла для примуса, я не собираюсь жить вечно...» Посмотрите, та же кухонно-коммунальная реальность — ершик у Зощенко — оказалась вечной. Сколько прошло времени, а образ ершика не стареет.

— Вспоминую забавную историю, которая произошла со мной и моими друзьями. Когда-то Валентин Плучек заказал Лазареву, Рассадину и мне пьесу по рассказам Зощенко, которую он очень хотел поставить. Это не получилось по разным причинам. Когда выяснилось, что поставить пьесу театр не сможет, хотя и очень хочет, Плучек сказал нам: «Мы вам не можем заплатить... Договор у вас с театром, а платит министерство... Подайте на нас в суд — и тогда мы заплатим...» Когда шел суд, судья сказал нам, что должен прервать слушание дела. У вас оно сложное, а тут у меня очень простое дело... Посидите, не уходите из зала... А после мы продолжим ваше слушание...

И перед нами развернулся совершенно зощенковский сюжет. Разница была только в том, что новые зощенковские персонажи (дело было в шестидесятых) говорили такие фразы: «Я стоял в очереди на «фиат»... А другой говорил: «Я в то время как раз сдавал кандидатский минимум...» Вместо ежика для примуса появились другие реалии, но стимулы поведения и весь комплекс поведения был тот же — совершенно зощенковский.

— Я говорил, Бенедикт Михайлович, немного о другом: зощенковский ершик приобрел несвойственное кухонной реалии вселенское, бытийное очертание. Ершик уже не ершик. Это символ! Это — на уровне хворостинки, которую подбрасывает старуха в костер Гуса. Или — чернильницы, брошенной Лютером в явившегося ему дьявола. Или — платок, подаваемый леди Макбет...

— Когда я говорю, что Зощенко не социальный писатель, я имею в виду именно это: у него любая конкретность, любая бытовая деталь вырастает до вселенской.

— Прогнозировать — дело бесплодное. Выборы в России, а затем на Украине и в Белоруссии показали бесплодность этого занятия. И все-таки, если попробовать заглянуть в будущее, опираясь на интуицию ли, анализ, — как вы думаете: будут ли читать Зощенко в новом тысячелетии? Не устареет ли он, вроде «Дяди Степы», например? Найдется ли у читателей XXI века место на книжной полке для Зощенко?

— Думаю, что, если вообще в новом тысячелетии останется какое-то пространство для книги как таковой, и ТВ и новые технические достижения не вытеснят или не уничтожат книгу (чего, я надеюсь, не произойдет!), Зощенко будет набирать вес, а не терять его. Безусловно в сознание будущих поколений он войдет как классик русской литературы, как очень крупный писатель.

Другое дело, что мы сталкиваемся с некоторым феноменом: самое очевидное — это Высоцкий. В какой-то мере это было с Окуджавой. Сперва они сделались явлениями массовой культуры. Но потом оказалось: мода массовой культуры проходит, а к подлинному читателю художник обращается другими, более глубинными пластами своего творчества. Грубо говоря, Зощенко, конечно, войдет в сознание будущих поколений, но не будет таким массовым писателем, каким он был в пик своей славы. Думаю, подлинное искусство по сути своей всегда элитарно. Когда Твардовский говорил с гордостью за своего «Теркина»:

Вот стихи, а все понятно,
все на русском языке...

— он ошибался. По-настоящему понятно, что это стихи, истинная поэзия, не лубок, было небольшому проценту читателей «Теркина». Так будет дело обстоять и с Зощенко. Думаю, что покамест читатели, даже самые тонкие ценители, прежде всего ценят у Зощенко его рассказы. Это, действительно, его шедевры. Но когда-нибудь выяснится, что самая значительная его

вещь, самая глубокая и трагическая — «Перед восходом солнца».

— Могут ли в России появиться писатели такого же эстетическо-функционального назначения, каким был Зощенко? Или необходимость в таких художниках отмирает? Новые времена — новые песни... Будет ли развиваться зощенковская интонация в нашей литературе?

— Конечно, интонация у каждого подлинного художника должна быть своя. Но в той мощной колее, которую проложил Зощенко, работают многие наши современники: Петрушевская, в какой-то мере Пьецух, Алешковский, в некоторых случаях — Довлатова. У меня есть книга «Смотрите, кто пришел»: один из главных ее героев — Зощенко, а последние главы целиком посвящены постзощенковской струе в нашей литературе. Это не литературоведческая, а скорее политическая книга. Она вышла в 1991 году в издательстве «Новости» — как ни странно, в серии, в которой вышли книги Шеварднадзе, Собчака... Подзаголовки у этой книги: «Новый человек на арене истории». Зощенко присутствует в большей мере в этой книге как писатель, открывший этого нового человека. Коснусь истории этой книги: я во время пребывания в Мюнхене читал по радио «Свобода» главу из своей большой книги «Пришествие капитана Лебядкина». После этого мне позвонил из издательства «Новости» его сотрудник Игорь Захаров. Он сказал, что слышал главу и хотел бы эту книгу опубликовать. Я предупредил его, что у меня заключен договор на книгу с издательством «Пик». Он уговорил меня дать ему рукопись как читателю. Через месяц при встрече он предложил мне дать книге другое название, выбрать из нее около 20 листов (почти половина) — наиболее социальных, политических глав, дописать несколько листов — и «Пик» издаст книгу. Я охотно согласился, предполагая, что в «Пике» книга выйдет раньше. Но при нашей сложной издательской жизни сперва в «Новостях» вышла книга «Смотрите, кто пришел», а потом подключилось издательство «Культура», и с грехом пополам вышла большая книга «Пришествие капитана Лебядкина. Случай Зощенко». «Постзощенковских» глав — о Петрушевской, Пьецухе, Довлатове — в «Пришествии...» нет.

— Почему такой подзаголовок: «Случай Зощенко»?

— У меня выходила книга «Заложник вечности. Случай Мандельштама». Когда-то я задумал несколько таких книг — просто так, для себя. Тогда не было никаких перспектив издать такие книги. Вот и возник-

ли для себя: «Случай Мандельштама», «Случай Зощенко», хотел написать «Случай Маяковского» — это было еще до Ю.Карабчиевского. «Случай Зощенко» отнял у меня больше душевных сил, времени, превратился как бы в книгу жизни — я писал ее много лет — и все-все остальные планы с другими «случаями» он оттеснил.

— Что бы вы посоветовали нынешним читателям Михаила Зощенко?

— Это зависит от уровня читателя, от того, что он хочет и что ищет? Читателям, которые уже знакомы с Зощенко, советую помнить катастрофическую историю, которая произошла с книгой «Перед восходом солнца»: дело в том, что ее печатание было прервано в 1943 году, разразился колоссальный скандал, и последняя ее часть была опубликована тридцать лет спустя в журнале «Звезда». В то время тень страшного скандала и чугунного Постановления ЦК еще висела над писателем. Единственный способ опубликовать последнюю часть книги заключался в том, чтобы сделать вид, что это самостоятельное произведение, новая, доселе неизвестная вещь Зощенко. Поэтому «хвост» был выдан за самостоятельное животное, книга была названа то ли «Книга о разуме», то ли «Повесть о разуме». Люди, которые прочитали этот «хвост» в виде самостоятельного произведения, решили, не без некоторых к тому оснований, что Зощенко превратился ко времени написания в полного маразматика и полностью выродился как художник. Такое впечатление о Зощенко и последней трети его творческой жизни продолжает существовать. Я бы хотел развеять это представление у читателей: Зощенко в последний период жизни создал замечательные вещи, в частности книгу «Перед заходом солнца» — нашу русскую классику.

После беседы с Бенедиктом Сарновым на глаза корреспонденту «КО» попала «Правда» с полосным материалом «У «МММ» нет проблем!»: «Итак, власти Лено Голубкова и Марину Сергеевну не любят, — писал президент АО «МММ» господин С.Мавроди. — А любят ли Лена Голубков и Марина Сергеевна эти самые власти?».

МММаниакальная тень зощенковского ершика продолжала висеть над МММатушкой Россией, измеряя своим ершиковым — МММерилом ее МММагистральный путь в МММноговековую МММечту. Учение МММаркса вечно, потому что... Впрочем, это из другой оперы.

Александр ЩУПЛОВ.